

Возвращаясь к вопросу о кибернетическом протезировании потерпевших из средств осужденного, можно отметить, что данный вопрос представляет собой новеллу в уголовной науке, поскольку на данном этапе западные авторы, например, Amel Alghrani, Rebecca Bennett, Suzanne Ost в своем труде [3], исследуют вопрос о моральных принципах использования биомеханических технологий в уголовном праве, без практических предложений и наработок.

В отечественных правовых исследованиях материалов о внедрении подобного рода технологий в правовую среду не встречается.

Стоит отметить, что проработка вопросов морали важна, однако моральные и материальные предпочтения от восстановления человеку возможности передвигаться самому и вернуть себе статус полноправного члена общества, представляются более существенными. Моральная сторона вопроса о кибернетическом протезировании является важной, но представляется, что моральные рассуждения существенно замедляют процесс внедрения технологии в жизнь и в право.

Глава MIT Media Lab's Biomechatronics Group Hugh Herr, признанный одним из лидеров кибернетического протезирования по версии журнала Time [4], на своем примере доказал, что уже сегодня возможно успешно восстанавливать функциональность граждан в полном объеме [5]. Более того, представляется что граждане, которые потеряли конечности или которым повредили внутренние органы, имеют большее моральное право быть восстановленными в указанных правах, так как присутствует виновный в указанном преступлении.

Стоит отметить, что реализация указанной компенсации, при инициативе преступника, может, в том числе, способствовать смягчению наказания. Следует отметить, что реализация мероприятий по правосстановительной компенсации представляется возможной только при условии материальной или иного рода обеспеченности преступника.

Объективная оценка предполагает всестороннее изучение объекта исследования, в том числе и предложенных новелл. В частности, стоит отметить, что уязвимой чертой указанной новеллы являются: совокупность всех условий для того, чтобы можно было осуществить деятельность по правосстановительной практике; научно-технический потенциал в Республике Беларусь; консервативность правовой системы.

Заключение. Реализацию концепции правосстановительной компенсации представляется возможным возложить на прокурора. Предполагается, что именно прокурор представляет потерпевшего и, тем самым, является лицом, которое имеет право требовать применения правосстановительной компенсации в отношении потерпевшего. Именно на прокурора представляется возможным возложить решение вопроса об индивидуализации и экспертизе на предмет возможности правосстановительной компенсации и выбора наиболее оптимального способа реализации указанной гипотетической компенсации.

Список источников

1. Официальный портал системы судов общей юрисдикции [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.court.by/justice_RB/statistics/. — Дата доступа: 18.11.2016.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.04.2016 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 22.04.2016, 2/2356.
3. Bioethics, medicine, and the criminal law / ed.: Amel Alghrani, Rebecca Bennett, Suzanne Ost. — Cambridge [UK] ; New York : Cambridge University Press, 2013. — Volume 1, The criminal law and bioethical conflict : walking the tightrope.
4. Официальный интернет портал журнала Time [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://content.time.com/time/specials/packages/article/0,28804,2091589_2092033_2092030,00.html. — Дата доступа: 18.11.2016.
5. Интерактивный интернет портал YouTube, LLC [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://youtu.be/CDsNZJTWw0w>. — Дата доступа: 18.11.2016.

УДК 343.971

Н. М. Русакевич

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

МАЛООБЕСПЕЧЕННОСТЬ И БЕДНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЙ ФАКТОР КОРЫСТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Введение. Малообеспеченность и бедность населения в настоящее время носит глобальный характер. В условиях кризиса развития рыночной экономики разделение населения на сверхбогатых и бедных все чаще становится причиной возникновения социального недовольства, которое в большинстве своем обретает форму преступности, и чаще всего корыстной. Возникновение корыстного мотива у малообеспеченного населения носит закономерный характер и является следствием этих процессов. Данная проблема характерна как для развитых, так и развивающихся стран.

Исследованием малообеспеченности и бедности населения как причины и условия корыстной преступности занимались О. Яницкий [1], В. Иноземцев [2], М. Ю. Дворецкий [3], Р. В. Авдеев [3], Э. М. Шур [4],

М. Г. Миненок [5]. В рамках же сравнительно-правового анализа малообеспеченность и бедность как условие и причина корыстной преступности ранее не оценивались. Приведенное и обуславливает актуальность данного исследования.

Посредством применения исторического и сравнительно-правового методов научного познания принята попытка выявить зависимость уровня общеуголовной корыстной преступности от уровня жизни населения в России и Беларуси и сравнить полученные данные.

Основная часть. Бедность и малообеспеченность — характеристика экономического положения индивида или социальной группы, при котором они не могут удовлетворить определённый круг минимальных потребностей, необходимых для жизни, сохранения трудоспособности, продолжения рода. Бедность является относительным понятием и зависит от общего стандарта уровня жизни в данном обществе [6]. Именно индивид определяет, является он достаточно обеспеченным или бедным человеком.

Здесь стоит согласиться с мнением А. В. Гурницкого, что «малообеспеченность и бедность — это, прежде всего, внутреннее состояние индивида, влияющее на его психику и нравственные ориентиры. Годы, проведенные в нужде, приучают думать только о решении первичных вопросов (пища, одежда, кров), не вдаваясь в перспективы. Постоянные состояния обиды, угнетенности, отчуждения, неудовлетворенности привносят изменения во внутриличностную сферу и межличностные отношения бедных» [7].

Эдвин М. Шур, например, также считал, что «бедность может порождать настроение глубокого отчаяния, безнадежности и тоски, вызывающие агрессивные импульсы, ведущие к определенным противоправным действиям» [4]. Чаще всего именно бедность и малообеспеченность влекут возникновение у индивида корыстного мотива при совершении краж, грабежей и разбоев, которые, в свою очередь, и образуют обширнейший пласт общеуголовной корыстной преступности.

Попытаемся проследить зависимость динамики общеуголовной корыстной преступности в Беларуси от уровня жизни населения, определив численность населения с уровнем располагаемых ресурсов ниже бюджета прожиточного минимума, т. е. уровнем бедности (таблица 1).

Как видим, в период с 1995 по 2005 год в Беларуси наблюдаются тенденции к снижению уровня бедности населения (численность населения с уровнем располагаемых ресурсов ниже бюджета прожиточного минимума снизилась в сравнении с 2000 годом на 29,2%). В это же время именно на 2005 год приходится пик криминальной активности по общеуголовной корыстной преступности, после чего наблюдаются тенденции к ее снижению при параллельном спаде численности населения с уровнем располагаемых ресурсов ниже бюджета прожиточного минимума в стране.

В России также не последнюю детерминирующую роль в динамических изменениях уровня преступности играет уровень бедности. Согласно данным (таблица 2), снижение численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума влечет за собой снижение общеуголовной корыстной преступности (см. данные с 2005 по 2014 год), и наоборот, рост бедности оказывает отрицательные тенденции на преступность (см. данные с 2014 по 2015 год).

Таблица 1 — Динамика общеуголовной корыстной преступности в Беларуси с 1995 по 2015 год

Год	Численность населения, тыс. чел.	Численность населения с уровнем располагаемых ресурсов ниже бюджета прожиточного минимума, тыс. чел. (в %)	Количество краж, грабежей, разбоев и мошенничеств
1995	10 210,4	3 920,793 (38,4)	87 297
2000	10 019,5	4 919,574 (41,9)	75 573
2005	9 800,1	1 244,612 (12,7)	121 650
2010	9 481,2	493,022 (5,2)	82 921
2015	9 480,9	483,525 (5,1)	46 585

Таблица 2 — Динамика общеуголовной корыстной преступности в России с 1995 по 2015 год [8]

Год	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума		Величина прожиточного минимума (рублей в месяц; до 1998 года — тыс. р.)	Число зарегистрированных краж, грабежей и разбоев (тыс.)
	млн чел.	в % от общей численности населения		
1995	36,5	24,8	264,1	1 546,2
2000	42,3	29,0	1 210	1 481,9
2005	25,4	17,8	3 018	1 981,1
2010	17,7	12,5	5 688	1 297,4
2014	16,1	11,2	8 050	1 000,9
2015	19,1	13,3	9 701	1 104,8

Исходя из сравнения полученных данных по России и Беларуси, представляется возможным утверждать, что динамика общеуголовной корыстной преступности в рассматриваемых странах подчиняется одинаковым детерминирующим процессам. В нашем случае прослеживается зависимость уровня общеуголовной корыстной преступности от уровня жизни населения. В свою очередь представляется важным отметить: нельзя только одну причину понимать как определяющую рост либо спад преступности.

Так, например, безработица в стране влияет на уровень доходов населения и, тем самым, определяет каков процент населения будет иметь денежные доходы ниже величины прожиточного минимума. Также проблемой современного общества все чаще становится повальная виктимизация населения (от лат. *victima* жертва) — процесс или конечный результат превращения в жертву преступного посягательства. Выражается это в своеобразном безрассудном поведении потенциальных жертв: стремление выставить напоказ достаток, хвастовство, унижение лиц с меньшим достатком. Средства массовой информации также вносят свой негативный вклад в развитии у малообеспеченного населения корыстной мотивации.

Стоит согласиться также с мнением В. Г. Тихиня, который утверждает, что широкое распространение получил правовой нигилизм. Отдельными должностными лицами предпочтение отдается не законности, а целесообразности. Господствует неправовое мышление. Сегодня безопасности человека в Беларуси угрожает интенсивный рост преступности. За последние годы она увеличилась почти вдвое. В. Г. Тихиня также констатирует высокий темп роста так называемых имущественных преступлений (они составляют почти 80% в общем объеме регистрируемых преступлений). И это, по мнению ученых-криминологов, только надводная часть айсберга [9].

Заключение. Представляется возможным отметить, что, хотя мы и проследили статистическую зависимость уровня преступности от уровня жизни населения, как фактор конструирования общеуголовной корыстной преступности малообеспеченность и бедность в России и Беларуси могут рассматриваться только во взаимосвязи с другими причинами: безработицей, виктимностью, правовым нигилизмом населения. Также не последнее место в развитии у индивида чувства неполноценности из-за недостаточности средств к существованию (и как следствие — возникновению преступной корыстной мотивации) занимают средства массовой информации, рекламирующие позитивность жизни более финансово благополучных членов общества. Данное утверждение, как нам видится, требует особого внимания со стороны государственных органов как России, так и Беларуси. Только путем воздействия на все указанные причины корыстной преступности Российская Федерация и Республика Беларусь смогут оказать влияние на ее уровень.

Список источников

1. Яницкий, О. О бедности как социальном явлении [Электронный ресурс] / О. Яницкий. — 2017. — Режим доступа: <http://index.org.ru/journal/21/yanizki21.html>. — Дата доступа: 18.01.2017.
2. Иноземцев, В. Глобализация и неравенство: что — причина, что следствие? / В. Иноземцев // Россия в глобальной политике. — Т. 1. — № 1. — 2003. — С. 164—165.
3. Дворецкий, М. Ю. Причины и условия преступности [Электронный ресурс] / М. Ю. Дворецкий, Р. В. Авдеев. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-usloviya-prestupnosti>. — Дата доступа: 18.01.2017.
4. Шур, Э. М. Наше преступное общество: социальные и правовые источники преступности в Америке / Э. М. Шур. — М.: Прогресс, 1977. — С. 35.
5. Миненок, М. Г. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы / М. Г. Миненок, Д. М. Миненок. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. — 367 с.
6. Бедность [Электронный ресурс] — 2017. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Бедность#>. D0.9B.D0.B8.D1.82.D0.B5.D1.80.D0.B0.D1.82.D1.83.D1.80.D0.B0. — Дата доступа: 18.01.2017.
7. Гурвицкий, А. В. Бедность с позиции криминологии [Электронный ресурс] / А. В. Гурвицкий. — 2017. — Режим доступа: <https://docviewer.yandex.by/?url=http%3A%2F%2FCyberLeninka.ru%2Farticle%2Fn%2Fbednost-s-pozitsiy-kriminologii.pdf&name=bednost-s-pozitsiy-kriminologii.pdf&lang=ru&c=587fb2e23ac2>. — Дата доступа: 18.01.2017.
8. Уровень жизни: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] — 2017. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#. — Дата доступа: 18.01.2017.
9. Тихиня, В. Г. Проблемы формирования правового государства в Республике Беларусь / В. Г. Тихиня // [Электронный ресурс] — 2017. — Режим доступа: <http://www.bseu.by:8080/bitstream/edoc/5811/2/Tikhinya%20V.%20Problemy%20formirov.%20pravovogo%20gos.%20v%20RB.pdf>. — Дата доступа: 20.01.2017.